З. А. ЮСУПОВА

ЭНКЛИТИЧЕСКИЕ МЕСТОИМЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

(на материале курдского языка)

Одной из специфических особенностей грамматического строя южного наречия курдского языка—сорани (сравнительно с курманджи) является широкое использование в нем личных энклитических местоимений, функционирующих в языке наряду с полными личными местоимениями:[1]

Энклитические		местоимения	Полные	местоимения
Ед. ч.		Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1—е л.	—(i)m	—man	(e)min	eme
2—е л.	—(i)t	—tan	(e)to	ewe
3—е л.	—i/—y	—yan	ew	ewan

Несмотря на относительную изученность энклитических местоимений[2], вне поля зрения исследователей все еще остаются многие грамматические особенности и функции энклитик, тесно связанные с вопросами строя предложения в целом. Они и являются предметом настоящей статьи.

Поскольку в формировании структуры предложения решающая роль отводится энклитическим местоимениям, совмещающим синтаксические функции с функциями морфологическими, в статье будут рассмотрены основные конструкции предложения, так или иначе связанные с употреблением энклитик.

Синтаксические функции энклитических местоимений. Сохраняя значения знаменательных слов, энклитика способна функционировать в качестве различных второстепенных членов предложения, в частности определения, прямого и косвенного дополнений. Она может сочетаться как с самостоятельными лексическими единицами, так и с предлогами и предложно-послеложными сочетаниями, обеспечивая в предложении самые разнообразные синтаксические связи. При этом, если в предложении употреблено одновременно несколько энклитик (в разных функциях), то в их расположении наблюдается определенный порядок.

Ниже даны основные позиции энклитических местоимений в функции второстепенных членов предложения.

1. Функция определения.

Позиция 1—примыкает к определяемому слову: řazi-t lay yekêk dane u pirsi-t lay hezar (посл.) 'тайны свои ведай одному, спрашивай у тысячи'; çawekan-î be kameranîyewe geşayewe 'глаза его загорелись надеждой'.

Если определяемое имя оформлено грамматическими показателями (определенности, мн. числа), местоименная энклитика стоит в замыкающей позиции: kurî xom, xûşkeke-tan edem be kurî paşay em wulate 'сын мой, вашу сестру я отдам в жены сыну падишаха этой страны'; řîseke-man buwewe be xurî (посл.) 'наша пряжа снова превратилась в шерсть' (т. е. 'все пошло насмарку').

За местоименной энклитикой могут следовать послелоги: em zewîye le bapîri-m-ewe bom mawetewe 'эта земля осталась мне от моих предков'; herdukyan le maleke-y-da emêninewe 'оба они остаются (жить) в его доме'.

Позиция 2—при наличии к определяемому слову нескольких определений, местоименная энклитика примыкает к последнему из них: le pir bi·eyekî nazkole be ser řuwe zerde gerdawîyekeya têper bû 'её бледное, покрытое пылью лицо внезапно озарилось улыбкой'.

Позиция 3—предшествует предикативной связке: em pyawe xizm-yan-e 'этот человек их родственник'; dostî dostim dosti-m-e 'друг моего друга (и) мой друг.

II. Функция прямого дополнения.

Позиция I—в составе сказуемого. Позиция Iа—при сказуемом, выраженном простым глаголом, примыкает к глагольным префиксам (модальности, длительности, отрицания): şêr bi-m-şkênê nek řêwî-m bi-m-xwat (посл.) 'пусть сломит меня лев, но не съест лиса'; dost eweye e-m-girênê, dujmin eweyə e-m-kenênê (посл.) 'друг тот, кто заставляет меня плакать, враг тот, кто заставляет меня смеяться'.

Позиция Iб—при сказуемом, выраженном сложноименным глаголом, примыкает к именной части: biřo, xwa agadari-t bê 'ступай (и) да хранит тебя бог'; êsta kê germ-î ekatewe 'кто же теперь согреет его?'.

Позиция Iв—при сказуемом, выраженном сложноприставочным глаголом, примыкает к приставке: biray gewrekey der-yan eka 'старший брат выгоняет их' de beri-m de 'ну отпусти меня!'.

Позиция 2—примыкает к косвенному дополнению (редко): belam serit řût ke newek le dûrewe be mini-t bizanin 'только ты обнажи голову, не то они издали примут тебя за меня'.

Позиция 3—примыкает к обстоятельственному слову (редко): pêm bilê be çend-yan edey 'скажи мне, за сколько отдашь их?'.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех зафиксированных случаях употребления энклитики в функции прямого дополнения сказуемое выражено глаголом в настоящих временах.

III. Функция косвенного дополнения.

А. Предложное косвенное дополнение.

Позиция 1—примыкает к предлогу—при сказуемом, выраженном как переходным, так и непереходным глаголом, независимо от временных форм.

Позиция 1а—примыкает к простому предлогу (первичному, отыменному): her ştêkit wîst bo-t dênim 'я принесу тебе всё, что ты пожелаешь'; min nawêrim le gel-tan bêm 'я не осмеливаюсь идти с вами'.

Позиция 1б—примыкает к сложному предлогу[3]: ewanîş pê-y pêkenîn u çûn 'а они посмеялись над ним да и ушли'; kase pîř bû lê-y eřijê (посл.) 'переполненная чаша проливается' (букв чаша наполнилась, из неё льётся').

Позиция 2—примыкает к прямому дополнению (или к его определению), а предлог стоит в постпозиции. В данной конструкции сказуемое обычно выражено переходным глаголом в настоящих временах.

Позиция 2а—простой предлог в постпозиции: ke xewit hat serîni-t bo çîye? ke birsî-t bû pêxori-t bo çîye? 'когда хочешь спать, зачем тебе подушка? когда хочешь есть, зачем тебе ложка?'; ew kewşane-m bo boyax ke 'начисть-ка мне эти башмаки'.

Предлог, однако, может быть отдален от сочетания прямое дополнение+энклитика в функции косвенного дополнения. Ср. с предыдущим примером: ew kewşana-m lay boyaxçî bo boyax ke 'начисть-ка мне эти башмаки у чистильщика'; destenwêni-m lem jûre bo danê 'постели мне постель в этой комнате'.

При сказуемом, выраженном сложноименным глаголом, эн-

клитика в функции косвенного дополнения присоединяется к именной части глагола, образуя ту же структуру, что и с прямым дополнением: min bo ewe hatûm îşi-t bo bikem 'я пришёл для того, чтобы поработать для тебя'; em parçe zewîye min enasêt, tenya min, çûnke min řenc-î le ser edem 'этот клочок земли знает меня и только меня, так как я тружусь на ней'.

Позиция 2б—сложный предлог в постпозиции: êsta derga-y lê ekatewe 'сейчас она откроет ему дверь'; gewre aw eřêjê u piçûk pê-y tê exat (посл.) 'взрослый прольет воду, малый ступит в неё ногой'.

При сказуемом, выраженном сложноименным глаголом, энклитика стоит при именной части: cwênîş-man pê biden cwabdaneweyan naşê 'даже если они будут бранить нас, всё равно не стоит отвечать им'.

Особо следует отметить употребление местоименной энклитики в функции косвенного дополнения, выступающего в качестве субъекта действия в конструкции с пассивным глаголом в формах настоящего и прошедшего времен. В данной конструкции, как и в рассмотренной выше, энклитика в указанной функции занимает две позиции: а) примыкает к предлогу (простому, сложному): řojê mela mangayêkî debate bazař, herçendê deka bo-y nafrosrêt 'однажды мулла погнал (свою) корову на базар, но как он ни старается, ему не удаётся продать (её)'; belku pê-y bikrê le dest şêre řizgaryan bikat 'может ему удастся спасти их из лап льва'; б) примыкает к объекту действия, а предлог стоит в постпозиции: ke dukanî dana ne xwardin u ne nûstinîş-î bo ekra 'когда он открыл лавку, он не мог больше ни есть, ни спать'; sê řencberim hebû, hewşeke-yan pê xawên neekirayewe 'у меня было три работника, (но) им не очистить было двор'.

Рассматриваемая конструкция, встречающаяся преимущественно в фольклорных текстах, привлекает внимание тем, что глагол в ней чаще имеет отрицательную форму и содержит модальные значения невозможности, несостоятельности выполнения действия субъектом.

Позиция 3—при сказуемом, выраженном глаголами наличия, состояния, примыкает соответственно к объекту обладания, состояния.

Позиция 3а—простой предлог в постпозиции: ay ke eme-y la xoş bû 'ах, как ему было это приятно'; çî-t la heye 'что у тебя есть?'.

Позиция 3б—сложный предлог в постпозиции: çend daneyê pêste řêwî-m pê bû 'у меня с собой было несколько лисьих шкурок'.

Б. Беспредложное косвенное дополнение.

Позиция 1—при сказуемом, выраженном переходным глаголом в формах настоящего времени.

Позиция 1а—при сказуемом, выраженном простым глаголом (обычно это глаголы направленного действия, оформленные ориентирующей энклитикой -ê), примыкает к формообразующим префиксам: min e-t-demê 'я дам тебе'; bi-m-genê 'помогите мне!'; îtir bo b-î perestim 'зачем же мне теперь поклоняться ему'.

Позиция 1б—при сказуемом, выраженном сложноименным глаголом, примыкает к именной части: kuřekeman xizmet-yan eken 'наши сыновья служат им'; minîş yaride-y edem 'я тоже помогу ему'.

Позиция 1в—при сказуемом, выраженном глаголом-связкой; примыкает к присвязочной части: birakem, em hewte çî-t-in? 'братец, кто тебе эти семеро?'; ewe çî-tan-e? 'что это с вами (такое)?'.

Позиция 2—при сказуемом, выраженном переходным глаголом в настоящем времени, примыкает к прямому дополнению (или к его определению): hemû nûstûn, kê řêge-m ekatewe 'все (ещё) спят, кто же покажет мне дорогу'; le řay xwa, parçeyek nani-m bidere 'ради бога, дай мне кусок хлеба'; em kipîyey em şewe řûdawêkî samnaki-m exatewe yad 'тишина этой ночи напомнила мне одну страшную историю'. Если определение к прямому дополнению также выражено энклитическим местоимением, то косвенное дополнение следует за ним: emřo birakani-m-it pîşan edem 'сегодня я покажу тебе моих братьев'.

Позиция 3—примыкает к косвенному дополнению (обстоятельственному слову)—в конструкции с опущенным сказуемым: eme bo em zistane-tan 'а это вам на зиму'; twêşûekey minîş bo ewarê-man 'а моя провизия—нам на вечер'.

Таким образом, обладая признаками знаменательных слов (способностью присоединяться к предлогам, сочетаться с другими членами предложения, отделяться от предшествующего слова относящимся к нему определением и т. д.), личные энклитические местоимения могут выполнять в предложении различные функции: 1) определения; 2) прямого дополнения; 3) косвенного дополне-

ния, как предложного, так и беспредложного; 4) субъекта действия (логического подлежащего)—в конструкции с глаголом в пассиве (редко).

Помимо активного употребления как заместителя имени (или полных местоимений), энклитические местоимения широко используются при построении особой конструкции предложения, своеобразие которой заключается в том, что один из ее элементов дублируется энклитикой. Следует при этом заметить, что конструкция эта не является принадлежностью какого-либо определенного стиля речи. Она встречается в художественной, научной литературе и в фольклорных текстах[4].

Собранный материал позволяет выделить ряд моделей данной конструкции с учетом глагольной и именной сочетаемости и в зависимости от грамматических характеристик глагола.

Конструкция 1—наиболее продуктивная, строящаяся по схеме: субъект (обладания, состояния)+объект (обладания, состояния)+глагол в нейтральной форме 3-го л. ед. ч.

Модель 1—с глаголом hebûn ‚иметься', отмеченный в следующих формах: а) настояще-будущего времени: ême bîst ser bizin-man heye 'у нас есть двадцать голов коз'; ṙan ebê ṣwan-î hebê 'у стада должен быть пастух'; herkes helbestêk-î ḷa hebê, ke lem dîwaneda bilaw nekrabêtewe, tikaye ew helbestekanman bo binêrê 'каждый у кого окажутся стихи, не опубликованные в данном сборнике, просьба прислать эти стихи нам'. Последний пример примечателен тем, что в нем значение „наличия" (передаваемое в русском языке предлогом „у"), подчёркивается предлогом с аналогичным значением; б) прошедшего времени: min sê kuṙi-m hebû 'у меня было три сына'; kwêrêk jinêk-î hebû 'у некого слепца была жена'; в) преждепрошедшего времени: elên padiṣayek buwe, sê ḳiç-î hebuwe 'рассказывают, был некий падишах и было у него три дочери'.

В описываемой модели, при наличии определения к объекту обладания, дублирующая энклитика перемещается к определению: kabray cola jinêkî cwan-î hebû 'у ткача была красивая жена; ew kabraye çenageyek-î dirêj-î heye 'у того человека длинный подбородок'. Между субъектом и объектом обладания может стоять косвенное дополнение: dil bo dil ṙêga-y heye (посл.) 'у сердца к сердцу есть путь'.

Модель 2—с глаголом ḫûn 'быть' (в значении 'иметься'), отмеченный в формах: а) настояще-будущего времени: to kuṙê-

ki-t ebê 'у тебя будет сын'; min emewê mizgewtêkî zili-m bibê 'я хочу, чтобы у меня была большая мечеть'. Привлекает внимание употребление указанной формы чаще в значении прошедшего времени: jinêk kurêk u birayêk u mêrdêk-î ebê 'у одной женщины был сын, брат и муж'; mela du jin-î debê у муллы было две жены; б)прошедшего времени (редко): pyaweke mal u dewlet-î bû 'у этого человека было большое состояние'; в) преждепрошедшего времени (редко): leşkerî soran cilî taybetî-yan buwe 'у соранской армии была особая форма'.

Модели с глаголами hebûn, bûn образуют общие для них отрицательные конструкции: ewane le hewelewe hîç-yan nebû 'поначалу у них ничего не было'; min kurî-m bibê u nebê be to çî? 'будет у меня сын или не будет, тебе то что?'.

В этих моделях субъект обладания, известный по контексту, может быть опущен: belam kurêk-î fiqne-m heye 'но у меня есть непутёвый сын!': eger pare-m bibwaye 'будь у меня деньги...'. Возможна и отрицательная конструкция с опущенным субъектом обладания: bawkim, cêge-man nîye u pyaw-man-îş nîye 'отец мой, нет у нас места, да и мужчин нет у нас в доме'.

При отсутствии объекта обладания, дублирующая субъект энклитика стоит при глаголе (обычно это глагол hebûn): sipas bo xwa min he-m-e 'благодарение богу, у меня есть (состояние)'; ewîş heye-t-î 'и у него есть (родственники)'.

Модель 3—с глаголом-связкой, отмеченной преимущественно в формах настоящего времени, с предикативом, выраженным: а) существительным: biram naw-î Azade имя моего брата—Азад (букв. 'брат мой имя его Азад есть'); xûşkekey 'umr-î şanze sale 'его сестре шестнадцать лет'; б) прилагательным: ême rê-man dûre 'у нас дальний путь'; xêzanî gwê-y girane, kurîşî her gwêy girane, kiçî le wan kertir 'жена его туга на ухо, сын его тоже глухой, а дочь его глуха больше, чем они'; в) местоимением: min hemû hîwa-m serkewtinî toye 'все мои желания—чтобы ты победил' (букв. 'я все желания мои победа твоя есть'); bîr u ratan çîye? 'каково ваше мнение?; г) наречным словом: êwe mal-tan le kwêye? где находится ваш дом?'; pêkenîn-î zor gir-yan-î dwaye (посл.) 'за долгим смехом следует плач',

Обнаружены также случаи, когда связка в сочетании с на-

правительным предлогом pê передает значение временного наличия «при себе», «с собой»: ewe toîş lete kulêre-t pêye le naw desesirda? Belê minîş her ştêkî wa-m pêye 'а что у тебя тоже в узелке кусок лепёшки?—Да и у меня с собой тоже самое'; pyaweke destesire xoxêk-î pê bû 'при мужчине был узелок с персиками'; ср. с примером, где вместо связки употреблён глагол „наличия": bira, birsîme, em se mirîşke-m pê heye, bom sûr bikeytewe 'братец, я голоден, а что, если ты пожаришь мне эти три куры, что при мне'.

Модель 4—с глаголами состояния (физического, психического), отмеченными в формах: а) настоящего времени: min seri-m dêşê 'у меня болит голова'; kurdekan seg-yan xoşewê 'курды любят собак'; ême asayişî êwe-man ewê 'мы желаем вашего благополучия'; б) прошедшего времени (преимущественно со сложноименными глаголами): boçî min seri-m sipî nebuwe, keçî rişi-m sipî buwe 'но почему голова у меня не поседела, тогда как борода моя стала белой?'; Mirot le şermkirdin tewawî gyan-î areqday 'Мирот от стыда вся покрылась испариной'.

Модель 5—с некоторыми непереходными глаголами: jîyan 'жить', mirdin 'умирать', kewtin 'падать', sûtan 'гореть', hatin 'идти', 'приходить', geyîştin 'достигать', têperîn 'перевалить' (о возрасте), derperîn 'торчать', 'выступать' и, возможно, другие: ewaneyş zorbeyan lem serdemaney dwayîda jîyawin 'большинство из них жили совсем недавно'; pyawêk birayek-î emrê 'у одного человека умирает брат'; dirozin malîş-î bisûtê kes bawerî pê naka (посл.) 'у лгуна и дом сгорит, всё равно ему никто не поверит'.

Отмечены случаи, когда глагол имеет форму пассива простого прошедшего времени. Обычно это сложноименной глагол с лексикализованной именной частью, к которой и примыкает энклитическое местоимение, дублирующее субъект состояния, стоящий в начале предложения: min arami-m lê bira 'я лишился покоя'; Besê ziman-î bestra 'у Басе (от страха) отнялся язык'; masîyeke îtir le cule-y bira 'рыба перестала двигаться'.

Итак конструкция 1 (поссессивная), строится с глаголами «наличия», с глаголом-связкой, с глаголами со значением физического и психического состояния, а также с небольшой группой непереходных глаголов, выражающих в сущности состояние субъекта.

Конструкция II—в которой энклитическое местоимение дубли-

рует косвенное дополнение (предложное и реже беспредложное).

Модель 1—с предложным косвенным дополнением.

Модель 1а—сказуемое, выражено переходным или непереходным глаголом в формах настоящего времени: min hapo Hesen wa xerîke jini-m bo denêt 'дядюшка Хасан собирается привести мне жену'; bûke biçkol xwa kurêkî kakolzêrîn u kiçêkêkî danmirwariy pêebexsê 'а) младшей невестке бог дарует мальчика с золотым чубом и девочку с жемчужными зубами'.

Модель 1б—сказуемое, выражено глаголом-связкой: ew paşayey ewe minî bo çîye? 'зачем я понадобился вашему падишаху'; min marim, margenc u cewahir-î bo çîye? '(ведь) я змей, а зачем змею сокровища?'.

Модель 1в составляют структуры, в которых дублируемое энклитикой косвенное дополнение, обычно с локальным значением, управляется сложным предлогом или предложно-послесложным сочетанием. Данная модель отмечена с глаголом-связкой (преимущественно), с глаголом hebûn, а также с некоторыми глаголами состояния в формах как настоящего, так и прошедшего времен.

1. Косвенное дополнение управляется сложным предлогом lê: lew cizireda koşkêkî zor berz-î lê-ye, le ser koşkekewe minareyek-î lêye, le ser minareke huştirêkî lêye 'на том острове находится очень высокий дворец' на том дворце находится минарет, на этом минарете находится верблюд'; le new baxçey êmeda zelamêk-î lêye 'в нашей бахче находится какой-то мужчина'.

2. Косвенное дополнение управляется предложно-послеложным сочетанием têda/tiya: em şare çend danişistan-î têdaye? сколько в этом городе институтов?; bêstaneke hêşta de-panze şûtî-y tiya mawe 'в огороде осталось ещё арбузов десять-пятнадцать'; ew girde piçûkeş h"ewt kûpeley pir le zêr-î têda heye 'а в том холмике находится семь кувшинов полных золота'. Ср. с аналогичной конструкцией, где дублирующая энклитика отсутствует (единственный пример): řenge em şarî Silemanîye mizgewtî zor têdabêt' в этом городе Сулеймание, должно быть, есть много мечетей?'.

3. Косвенное дополнение управляется предложно-послеложным сочетанием pêda/piya: cogeyek aw-î pya birwa zeh"mete wuşik bibê (посл.) 'русло, по которому течёт вода, высыхает с трудом'; kureke tezûyêk-î pêda hat 'мальчика охватила дрожь'.

4. Косвенное дополнение управляется предложно-послелож-

ным сочетанием pêwe: dergay h"wşekeş qîfl-î pêweye 'а на воротах двора—замок; ср., когда дублируемое энклитикой косвенное дополнение в контексте опущено: goşti-t pêwe nemawe, keçî dan exene ser îsqanekanit 'на тебе и мяса то не осталось, а они вонзают зубы в твои кости'.

Модель 2—с беспредложным косвенным дополнением: roje padişa mîwanêkî zor-î dêt 'однажды к падишаху приходит много гостей'; be hersê melekey tifengêk-î berekewê 'на каждые три дома её приходится по одному ружью'.

Конструкция III—в которой энклитика дублирует прямое дополнение. Данная конструкция, встречающаяся довольно редко, зафиксирована с переходными глаголами в настоящем времени и преимущественно в форме 2-го л. ед. ч. Употребляется она главным образом в составе пословиц, что сближает ее с безличной конструкцией: do ta ne-y-jenî kere nadat 'пахту пока не собьёшь, масла не даст'; wate ta ne-y-bêjî ne-y-wêjî 'слово пока не отсеешь, не произноси его'.

Конструкция IV—в которой энклитика дублирует обстоятельство. Эта конструкция встречается совсем редко: ba lêre wuçanêk-î bo bideyn u nanî niwerroy lê bixoyn 'давай здесь устроим стоянку и пополдничаем тут'.

Рассмотренные конструкции, как можно видеть из приведенных примеров, различаются частотой употребления, особенностями внутреннего строения и состава, глагольной и именной сочетаемостью. Объединяются же эти конструкции по следующим признакам: 1) дублированием одного из элементов (исключая грамматическое подлежащее) энклитическим местоимением; 2) допустимостью опущения в контексте дублируемого элемента, но не энклитики; 3) неупотребляемостью с переходным глаголом в прошедшем времени. Все это говорит о том, что конструкция с дублирующей энклитикой—явление грамматического порядка (возможно, связанное в плане диахронии со становлением переходных глаголов в прошедшем времени).

В грамматической литературе данная конструкция обычно толкуется как предложение с тематическим подлежащим, основное назначение которого сводится к тому, чтобы выделить один из членов предложения[5]. Однако отмеченные выше грамматические особенности этой конструкции, а главное возможность опущения «выделенного» члена (в поссессивной—наиболее распространенной ее разновидности во всяком случае), говорит о том, что выделительная функция не является для нее основной. Тем более, что в

языке существуют иные, более употребительные, способы выделения членов предложения—интонация, замена местоименной энклитики полным местоимением и т. д. Используется и вынесение выделенного слова в начало предложения, но при этом, оно, как право, не дублируется. Мы не исключаем возможности использования конструкции с дублирующей энклитикой в целях актуального членения, однако, как свидетельствует материал, подавляющая часть моделей этой конструкции в современном языке (с утраченной именной флексией) служит для выражения косвенно-притяжательных отношений в предложении с субъектом состояния (чаще лица и реже предмета), выраженного личным энклитическим местоимением.

Морфологические функции энклитических местоимений. В предложении с переходным глаголом в прошедшем времени, являющегося, как уже отмечалось исследователями, структурным аналогом поссессивной конструкции, энклитические местоимения выступают в качестве отделяемых личных показателей.

В зависимости от состава предложения энклитика в функции личных показателей занимает различные позиции, образуя ряд конструкций, анализ которых приводится ниже.

Конструкция 1—содержит подлежащее, прямое дополнение и глагол—как основные компоненты данной конструкции. Энклитика, выражающая лицо и число подлежащего стоит при прямом дополнении.

Модель 1—прямое дополнение выражено именем (местоимением): min hergêz masî-m nexwarduwe 'я никогда не ел рыбу'; daîkim min-î bexêw kirduwe 'меня вырастила моя мать'.

При наличии к прямому дополнению определения, энклитика перемещается к определению: řojêk hemû estêrejmêrî memleket-î ko kirdewe 'однажды (падишах) собрал всех звездочетов страны'.

Модель 2—прямое дополнение выражено глагольным окончанием[6], по отношению к которому энклитика, в зависимости от структурного типа глагола, занимает следующие позиции.

1. При простом глаголе: а) следует за прямым дополнением: aweke bird-în-î вода унесла нас; bawkim nardû-m-î 'отец послал меня'; при отрицательной форме глагола энклитика переходит к отрицанию: bawkit le katî xoyda ne-y-nard-î 'твой отец послал тебя не вовремя'; б) предшествует прямому дополнению (редко): ême girt-man-in 'мы схватили их'; min da-m-ît-e destî xwa 'я поручил тебя богу'.

2. При сложноприставочном или сложноименном глаголе эн-

клитика примыкает соответственно к приставке или именной части глагола: ewe lewla der-yan kirdû-m 'вот они и прогнали меня оттуда'; be cê-man hêştibû-u 'мы их оставили (на месте)'.

Конструкция 2—содержит подлежащее, прямое дополнение и косвенное дополнение, выраженное именем или глагольным окончанием.

Модель 1—косвенное дополнение, выраженное именем (местоимением), следует за прямым дополнением. Энклитика-личный показатель стоит при прямом дополнении: min tn-m be biray xom zanîwe, newek min, hemûkes toyan be biray min zanîwe '(ведь) я считала тебя своим братом, и не только я, все считали тебя моим братом'.

Модель 2—косвенное дополнение выражено глагольным окончанием, управляется направительным предлогом bo (реже pê). Энклитика-личный показатель занимает две позиции: а) примыкает к прямому дополнению: jineke girtimolkeyek-î bo firê da-m 'женщина бросила мне как-то узелок'; min samanêkî zori-m bo ko kirdû-yt 'я собрал для тебя большое состояние'; б) примыкает к предлогу: tenya dîyarîm honrawêke bo-m henaw-î 'мой единственный дар (это) стихи (которые) я принёс тебе'.

Модель 3—как прямое, так и косвенное дополнение выражены глагольным окончанием. Энклитика-личный показатель примыкает к предлогу: xwa bo-y nard-m-î '(сам) бог ниспослал тебя мне'; xwa lê-y sendi-m-in 'бог отнял их у меня'.

Конструкция 3—содержит подлежащее и косвенное дополнение.

Модель 1—косвенное дополнение выражено именем (местоимением), к которому присоединяется энклитика-личный показатель: dwênê be pyawekey-m ŗageyand 'вчера я дал понять его человеку...'; be hesar aw-î dawe quiepêy teŗ nebuwe (посл.) тысячу вод проплыл и лодыжки не промочил'.

Модель 2—косвенное дополнение выражено глагольным окончанием. Энклитика-личный показатель занимает следующие позиции: а) при простом глаголе присоединяется к предлогу: pyawêk bo-y gêŗa-m-ewe 'один человек рассказал мне...'; min pê-m newut-î 'разве я не говорил тебе...'; jineke bo-y bird 'женщина отнесла ему (одежду)', б) при сложноименном или сложноприставочном глаголе предлог обычно отсутствует, а энклитика примыкает соответственно к именной или приставочной части глагола: kuŗeke seyrêk-î kirdi-m wut-î 'юноша взглянул на меня и

сказал...; lêş-yan da-m u şirûbekeş-yau rijandi-m '(они) к тому же избили меня и леденцы мои рассыпали'.

Конструкция IV—содержит подлежащее и глагол, при котором стоит энклитика-личный показатель: bawkim eş-î-xward u diseş-î ekird 'мой отец (одновременно) и ел и рассказывал'; padişa wut-î 'падишах сказал...'.

Если, однако, в конструкции имеется какое-либо обстоятельственное слово, то энклитика перемещается к нему: pyawe zor-î wut jine kem-î bist 'муж много говорил, (а) жена мало слушала'; min ewende-m qise kird gwêçenem êşê '(я) столько говорил, (что) у меня болит челюсть'.

Говоря о функциях энклитических местоимений в качестве личных глагольных показателей, следует иметь в виду, что энклитика 3-го л. мн. ч. (при употреблении с переходным глаголом в прошедшем времени) нередко образует конструкцию с неопределенно-личным значением: yekêkyan bird-yan bo eskerî 'одного из них забрали в армию'; le bazar pareke-yan lê dizî 'на базаре у него украли деньги'. Ср. с конструкцией, образованной переходным глаголом в настоящем времени, где аналогичную функцию выполняет личное глагольное окончание 3-го л. мн. ч.: le zistan carêk elên sarde (посл.) 'зимой один раз говорят „холодно"'; kuřeke sibeynê eben 'мальчика заберут завтра'.

Таковы основные конструкции с переходным глаголом в прошедшем времени, в которых энклитические местоимения выступают в качестве личных глагольных показателей, отражающих лицо и число грамматического подлежащего[7].

Вместе с тем в текстах зафиксированы отдельные случаи согласования переходного глагола в прошедшем времени с прямым дополнением: mela cilekan-î kird-n-e komayek u agir-î têberda-n 'мулла собрал все вещи и поджёг их'; kabra momekan-î hawîşt-n-e ser şeqem 'мужчина швырнул свечи на дорогу'; belê be nehatî salêk duwani-m le minalekanim naşti-n 'да, с неурожаем (я) в один год похоронил двоих из моих детей'.

В приведенных примерах при подлежащем в единственном числе глагол имеет форму множественного числа, согласованную с множественным числом прямого дополнения. При этом лицо и число подлежащего (реального действующего лица) отражены энклитическим местоимением, примыкающим к прямому дополнению.

В других обнаруженных примерах, представляющих собой сложноподчиненное предложение с придаточным определительным,

прямое дополнение находится в главной его части, а энклитика, отражающая лицо и число подлежащего—в придаточной, в составе глагола. Причем, если это простой глагол, то энклитика стоит перед глагольным окончанием, согласованным с прямым дополнением, если же глагол сложноприставочный, то после приставки: edi ew şûtî u ka-ekane çîn xistû-t-n-e tûreketewe 'а что это за арбузы и дыни, (которые) ты положил в свой мешок?, le gelîşya ekewte yarikirdin bew sê qelemey be destî enqest le ber demî xoya da-y-nabûn 'одновременно он начинал перебирать (букв. играть) рукой те три карандаша, которые он специально положил перед собой'.

Анализируемая конструкция интересна тем, что в ней «объектная» конструкция, столь характерная для глагольной системы курманджи, сочетается с конструкцией «поссессивной», свойственной южному наречию—сорани.

Следует, однако, иметь в виду, что случаи согласования переходного глагола в прошедшем времени с прямым дополнением в сорани крайне редки, а потому они должны рассматриваться как реликтовые, так как нормой для языка является согласование глагола с подлежащим.

В процессе исследования грамматических функций энклитических местоимений выявился еще один любопытный факт. Отмечены случаи, когда местоименная энклитика 3-го л. ед. ч. выступает в качестве предикативной связки:[8] kuřeke nalenalê(t)-î 'мальчик стонет'; ma-ekeyan pîrêt-î le miwan 'их дом полон гостей; heqîşê(t)-î '(она) и права' и т. д. О местоименном происхождении форманта =î свидетельствуют такие примеры, где=î одновременно толкуется и как энклитическое местоимение в притяжательной функции: herwa le ber çawê(t)î çon par daykî le pîr nexoş kewt 'все еще перед его глазами (то), как в прошлом году внезапно заболела его мать'; ewe kakoley min u ew danemîrwarîyekanê(t)-î 'это мой (золотой) чуб, а это её жемчужные зубы'. Ср. также с примерами, в которых указанный формант дублирует энклитику 3-го л. ед. в составе именного сказуемого: çekî ba-inde denûk u çing(-î- (y)e(t)-î 'клюв и когти являются оружием для птиц' (букв. 'оружие птицы клюв и когти её есть'): řwanî mali pîr-y-e(t)-î le mîwan 'видит, дом его полон гостей'. Дублирование энклитики вызвано, должно быть, с одной стороны, тем, что при имени (в составе сказуемого) с глас-

ным исходом энклитика может быть истолкована как вставной сонант -y-: neyşîzanê çî-y-e-(t)-î 'он и не знает, что с ним такое'; merdeke-y-e(t)-î 'это её муж', с другой-склонностью к стяжению энклитики и связки в долгий гласный ê: pîrêtî<pîryetî.

В заключение следует отметить, что столь глубокое проникновение энклитических местоимений в грамматический строй языка, их разнообразные синтаксические, морфологические и стилистические функции позволяют не согласиться с лишенным основания высказыванием о том, что сохранность энклитик в языке является «лингвистической случайностью», якобы возникшей под влиянием соседних иранских языков[9]. Кстати, в качестве источника заимствования приводятся курдские же диалекты, в частности, диалект горани (он же авромани), представляющий одну из крупных разновидностей южного наречия курдского языка, на котором сохранилась богатейшая классическая и религиозная литература курдов[10].

Զ. Ա. ՅՈՒՍՈՒՊՈՎԱ

ԷՆԿԼԻՏԻԿ ԴԵՐԱՆՈՒՆՆԵՐԸ ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅԱՆ ԿԱՌՈՒՑՎԱԾՔՈՒՄ
(Քրդերենի ճիման վրա)

Ամփոփում

Քրդերենի հարավային բարբառի՝ սորանիի քերականական կառուցվածքի յուրահատուկ առանձնահատկություններից է լրիվ դերանունների կողքին, էնկլիտիկ դերանունների լայն կիրառումը։ Ջնայած այս հարցի համեմատական ուսումնասիրվածությանը, այնուհանդերձ էնկլիտիկ դերանունների քերականական բազմաթիվ հատկանիշներ, որոնք սերտորեն կապված են նախադասության կառուցվածքի հետ, դեռևս մնում են չբացահայտված։ Հոդվածում հեղինակը համակողմանի քննարկման է ենթարկում սորանիի նախադասության կառուցվածքի այն հիմնական տիպերը, որոնցում այս կամ այն ձևով առկա են էնկլիտիկ դերանունները։ Սույն դերանունները ընդունակ են հանդես գալու նախադասության երկրորդական անդամների՝ այդ թվում որոշչի, ուղիղ և անուղղակի խնդիրների դերերում։ Նրանք կարող են զուգակցվել ինչպես ինքնուրույն լեքսիկական միավորների, այնպես էլ նախդիրների և հետդիրների հետ։

Հոդվածը գրված է բանահյուսական և ժամանակակից գրական նյութերի հիման վրա։

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В качестве иллюстративного материала в настоящей статье использована современная курдская литература (художественная, научная), а также фольклорные тексты, изданные в Ираке.
2. См. работы: *O, Mann*, Kurdisch-persische Forschungen. Die Mundart der Mukri-Kurden, Teil I, Berlin, 1906; *C. J. Edmonds*, Prepositions and personal affixes in Southern Kurdish.—BSOAS, L., 1955, vol. 17, pt 3; D. N. Mackenzie, Kurdish dialekt studies, L., 1961, t. 1. *К. Р. Эйюби, И. А. Смирнова*, Курдский диалект мукри, Л., 1968; *К. К. Курдоев*, Грамматика курдского языка на материале диалектов курманджи и сорани. М., 1978.
3. В сорани, как и в курманджи, сложные предлоги образуются сочетанием простого предлога с энклитикой -ê. Но в отличие от курманджи, где данная энклитика соотносится с личным местоимением 3-го л. ед. ч., замещая его в одной из функций косвенного дополнения, в сорани она употребляется в своеобразной ориентирующей функции (ср. курм.: ji ê bipirse и сор.: lêy bip irse 'спроси у него'). Подробнее об этом см. *З. А. Юсупова*, Употребление первичных предлогов с местоименной энклитикой в южном диалекте курдского языка.—В кн.: История, культура, языки народов Востока. М., 1970.
4. Аналогичная конструкция, весьма распространенная в современных иранских языках, отмечена и в курманджи (с дублирующим личным местоимением 3-го л. ед. или мн. ч. в косвенной форме).
5. См. *И. И. Цукерман*, К характеристике предложений с тематическим подлежащим в курдском языке.—Палестинский сборник, вып. 13(76). М.—Л., 1965; *И. А. Смирнова*, О характере спряжения переходных глаголов в прошедшем времени в курдских диалектах центральной группы.—В кн.: Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967, с. 142—148.
6. В южном наречии курдского языка личные окончания прошедшего времени непереходных глаголов в определенных конструкциях с переходным глаголом в прошедшем времени выступают в функции прямого или косвенного дополнения, что дало основание некоторым авторам считать их энклитиками 2-го ряда. См. *И. А. Смирнова*, указ. соч.
7. Следует иметь в виду, что конструкция с переходным глаголом в прошедшем времени в современном ее состоянии трактуется иранистами как активная, но при диахроническом подходе одними авторами характеризуется как «эргативная» (см. *Л. А. Пирейко*, Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968), другими—как «местоименно-поссессивная» (см. *И. А. Смирнова*, указ. соч.); *К. К. Курдоев* предлагает термин «безобъектно-объектная» (см. указ. соч., с. 178).

8. Сходное явление отмечено и в других иранских языках, в частности, в мунджанском. См. *В. С. Соколова*, Генетические отношения мунджанского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973, с. 189.
9. *Д. Н. Маккензи*, Курманджи, курди, гурани.—Народы Азии и Африки, I, М., 1963, с. 169; см. также *Р. Л. Цаболов*, Очерк исторической морфологии курдского языка. М., 1978, с. 28.
10. По нашему мнению наличие или отсутствие энклитических местоимений является основным дифференциальным признаком для диалектного членения курдского языка. На основании этого признака курдские диалекты в современном их состоянии делятся на две основные группы: северную и южную. Данный признак совпадает с территориальным размещением указанных диалектов (Северный Курдистан—Южный Курдистан).